

тод работы Ш. отличался стремлением к архивным разысканиям. Несмотря на апологетическое отношение к семье и личности Ленина, роман-хроника содержит большой исторический материал, позволяющий читателю совершать «мировоззренческие путешествия» в глубь эпох и обратно.

Сочетание историко-философского и этнографически-описательного подхода к событиям в большой степени проявилось в последней книге Ш. «Человек и время. История человеческого становления» (1980). Книга мемуаров, в основе которой лежат факты собственной биографии писательницы, представляет собой широкое полотно идейных и эстетических исканий интеллигенции начала XX в. Ш., человек пылкого характера и аналитического ума, олицетворяет художника герценовского типа, пытавшегося соединить в творчестве философско-теоретическое и образно-худож. начала.

Соч.: СС: в 9 т. М., 1986–89; Дневники. 1917–1931. [Л.], 1932; Дневник Мариэтты Шагинян. М., 1953.

Лит.: Творчество Мариэтты Шагинян: сб. статей. Л., 1980; Скорино Л. Мариэтта Шагинян — художник: Жизнь и творчество. 2-е изд. М., 1981; Серебряков К. Приближение прошлого: Очерки. Встречи. Воспоминания. М., 1988. С. 3–222; Гольдина Р. Ленинская тема в творчестве М. Шагинян. Ереван, 1969; Щедрина Н. Лениниана Мариэтты Шагинян. М., 1984; Гиппиус З. Н. Письма к М. С. Шагинян // Зинаида Николаевна Гиппиус: сб. М., 2001. С. 89–140; Гаспаров М. Л. О русской поэзии. СПб., 2001. С. 56–65; Фредзинский Б. Судьбы Серапионов (Портреты и сюжеты). СПб., 2003. С. 364–372.

Т. М. Вахитова

ШАДРИНОВ Алексей Юрьевич [22.2.1973, г. Белозерск Вологодской обл.— 23.2.1992, воинская часть под г. Красноярском; похоронен в Белозерске] — поэт.

С 1980 по 1990 учился в средней школе № 1 г. Белозерска. Уже «в тринадцать лет написал свои первые необыкновенно выразительные и зрелые стихи...» (Дорошенко Н.— С. 1), некоторые из них были напечатаны в районной газ. По воспоминаниям И. А. Богомоловой, учительницы русского яз. и лит-ры, Ш. «на выпускном экзамене по литературе, отвечая последним, читал уставшей комиссии свою поэму „Оборотень“, и, когда остановился, боясь наскучить, удивленные и обрадованные учителя просили его продолжать» (Далекий плач. С. 130). В 1991 Ш. был призван в армию, где трагически по-

А. Ю. Шадрин

гиб в 19-летнем возрасте. Перед уходом в армию Ш. принял святое крещение, решил сжечь свои стихи и бросил их в печь, но по счастливой случайности рукописи удалось спасти.

После смерти поэта появилась книга «Далекий плач» (Вологда, 1994) и подборки его стих. в московских и вологодских ж. В 1998 родителями Ш. был передан архив с неизвестными стих. и поэмами для публикации в Москве. Неизвестные читающей России произведения Ш. по своей оригинальности и философичности оказались на порядок выше ранее опубликованных. Наиболее значительные из них: «Отшельник!», «Размышления странника», «Обитель», «Деревня (стихи)», «Пилигримы», «Оборотень (поэмы)», «Глушь», «Холодные берлоги», «Исповедь (проза)». Сб. избранных стих. и поэм Ш. вышел в Москве в 2001.

Ш. был дан с рождения подлинный поэтический голос, «голос истинной Поэзии» (Цыганов А.— С. 7). Как человек и как поэт Ш. был многим обязан природе. Его пейзажная лирика (стих. «Весь мир молчит, и занавес приподнят...», «У нас уже черемуха цвела...», «Рассветный край» и др.) — не набор сухих зарисовок, а действительно словесная живопись, которой свой-

ственны удивительная пластичность, цветовая и образная гармония: «Река хранит причудливость изгиба, / Там след змеи пурпурной на песке, / Там расцветает лилия, там рыба / Взвилась клинком, сверкающим в прыжке» («Пилигримы»). Лирика Ш.— медитативно-образительная по преимуществу, поэт знал, что мысль присутствует в самой природе, в символичности ее примет и стихий, автору нужно только продолжить, развить ее: «Ветра шумят по всей земле, / Листва колыхается повсюду,— / Я чуткий в предрассветной мгле, / Знакомый голос разбуду» («**Все ж, не подъявля головы...**»). Еще один устойчивый мотив в его стих.— предчувствие судьбы, условно говоря, «воспоминание о будущем»: «Рыдают гуси, клином размежив / Поля небес, изрытых облаками, / Моя душа над родиной летит, / Обняв ее бесплодными руками...» («**Холодный воздух — хрупкая слюда...**»). Романтические мотивы лирики Ш.: душевная двойственность («**Без черного нет белого...**»), сознание своего бессилия, одиночество, автобиографический характер лирического героя и соответственно, исповедальность — не случайны не только в контексте его поэзии, но и в контексте времени. Предельное духовное напряжение — одна из традиций русской поэзии. Но главная тайна ее — мистический переход стихотворного текста в лирический (знаменитый ахматовский «сор»). У Ш. видна двойственная природа подобного явления: с одной стороны, это «муть», безблагодатная материя, с другой — чудотворение, уже не авторская воля, а воля Творца: «С больших глубин поднялась эта муть, / И благо, что от сердца не дано Вам / Сорвать покров, войти и заглянуть / В горнила, порождающие Слово» («**И. А. Богомоловой**»).

Для поэзии Ш. характерны драматические смены ритма, оригинальные строфические схемы, образно-символические ряды, «возвышенная» и библейская лексика: вече, обитель, бранный след, Божья Воля, Пресветлый Дух, кадила; соответствующие сравнения: «Плывет туман, как дым из преисподней...». Эпитеты у Ш. в большинстве своем — с трагической окраской: неясный ужас, унылый корабль, безвременная ночь, сгорбленные ели и т. п. В последнем стих. поэта они определяют и тон, и даже смысл: «Мне разлука с тобой, как ночь бессонная, / Ночь глухая, беззвездная, несончаемая» («**Высоко так подняться нельзя и дереву...**»).

Ш. обладал настоящей творческой смелостью. Он мог легко соединить в двух строках лермонтовский мотив и мифологическое

сравнение (душа-птица): «Меж землею и небом / Словно птица метался...». Лирика Ш. отмечена проникновением в запредельные высоты человеческого духа («Все ж нет предела человеческой души...»), афористичностью и одновременно загадочностью мысли («Я на земле и на небесах»), дерзкими образными сопряжениями, отмеченными «детской» гениальностью: «Надо только бросить в воду камень, / Чтоб увидеть синий танец звезд». Контрасты в его поэзии — нечеловеческого диапазона: «синяя птица» детства, — и смятение, ужас бытия, полуфантастические, апокалиптические картины: «Все небо ножами распорото...» Подростковая влюбленность, — и опыт мудреца, за плечами которого — целая жизнь: «Не дорожи ничем земным, / Безудержным и мимолетным». Поразительно объемная и богатая смысловыми оттенками лексика, удивительные сравнения, рождающие множество ассоциаций, неожиданные рифмы, смелые ударения — все говорит о том, что Ш. как языкотворец не боялся ничего и никого, он не «владел» языком, он был полностью в его власти. В поэме «Оборотень» удивляет не столько парадоксальное сочетание монолога с внутренним диалогом, сколько связанность примет русской катастрофы с диктуемым кем-то сверху поэтическим потоком сознания, пытающегося найти ответы на вечные вопросы бытия. Но наиболее сильное впечатление производит драматическая поэма-загадка «Пилигримы», полная мистики и философских откровений, находящаяся вне времени и пространства, но запечатленная на фоне живописнейших земных пейзажей. «Звук и пространство — эти понятия становятся для меня полны неизъяснимого поэтического наслаждения», — писал Ш. «Очарованный странник наших дней», поэт «не от мира сего» (Куняев Ст.— С. 121), он сразу познал великую тайну русской поэзии: «Не мни, читатель, средь бумажной пыли / Найти следы тебе знакомых дней. / Я верен весь туманящейся были, / Я к ней клоюсь и почиваю в ней» («Пилигримы»).

Творчество Ш.— это стремительный и ранний взлет от детской непосредственности к вершинам, большинство из которых, увы, еще только предстояло покорить; уникальное явление в русской поэзии XX в.

Соч.: Далекий плач. Стихи. Проза. Воспоминания. Вологда, 1994; Белые ангелы вод: стихи // Наш современник. 1996. № 7; Из книги «Далекий плач» // Москва. 1997. № 10; Оглянитесь на годы...: стихи // Москва. 1998. № 11; Из неопубликованного // Белозерье: краеведческий альм. Вып. 2. Вологда, 1998; Вернусь со

стаей перелетной...: стихи // Север. 2000. № 10; Стихи // Лит. Вологда: альм. Вып. 1. Вологда, 2001. С. 440–443; Стихотворения и поэмы. М., 2001.

Лит.: Цыганов А. Земное счастье // Шадринов А. Далекий плач. Вологда, 1994. С. 7–8; Щуплов А. «И слава Богу, сил моих хватило, чтоб одолеть нечаянный испуг...» // Книжное обозрение. 1995. 23 мая; Бараков В. Далекий плач // Москва. 1997. № 10. С. 176–179; Дорошенко Н. Тема // Российский писатель. 2001. № 16. Сент.; Бараков В. «Слова лежат в глубинах русских рек...» // Зеркало. 2001. 28 нояб.; Куняев Ст. Очарованный странник // Шадринов А. Ю. Стихотворения и поэмы. М., 2001. С. 121–122; Огрызко В. В. Изборник: Материалы к словарю русских писателей конца XX — начала XXI века. М., 2003. С. 268.

В. Н. Бараков

ШАЛАМОВ Варлам Тихонович [18.6(1.7). 1907, Вологда — 17.1.1982, Москва] — прозаик, поэт.

Родился в семье священника, человека европейски образованного, позитивного склада мышления, придерживавшегося достаточно свободных и независимых взглядов. Твердый в убеждениях, бескомпромиссный в нравственных вопросах, отец и религиозность понимал более широко, чем это предписывалось канонам. Именно от него, по словам самого писателя, он унаследовал страстность характера. Мать Ш. была женщиной с тяжелой долей, полностью прикованная к хозяйству, но душевная, тонкая, любившая поэзию и бывшая много ближе младшему сыну, чем отец. Героями детских и юношеских лет Ш. были русские революционеры; любимое чтение — повести эсера-террориста Бориса Савинкова (Ропшина) «Конь бледный» и «То, чего не было». Именно они помогли сформироваться главному жизненному принципу будущего писателя — соответствию дела и слова. Однако горячее пристрастие к людям, посвятившим себя революционной деятельности, сочеталось у Ш. с трезвым пониманием средств борьбы этих людей и трагических результатов их деятельности.

В 1924 Ш. покидает Вологду и 2 года работает дубильщиком на кожевенном заводе в Сетуни, а в 1926 становится студентом ф-та советского права МГУ. В период учебы принимает участие в лит. жизни, сближается с группой ЛЕФ (влияние лэфовской эстетической концепции — «лит-ры факта» — ощущимо в зрелом творчестве Ш.). Жажда познания и действия переполняют юного Ш.: митинги, демонстрации, лит. и философские диспуты. В февр. 1929 за распространение «завещания» Ленина — письма к XII съезду — аресто-

ван и приговорен к 3 годам лагерного заключения, которое отбывал в Вишере. «Что мне дала Вишера?.. Испытанный тяжелой пробой... я выдержал... Я крепко стоял на ногах и не боялся жизни».

В 1932 Ш. возвращается в Москву, работает в ведомственных журналах, печатает статьи, очерки, фельетоны. Тогда же публикует первые рассказы — «Три смерти Аустино», «Пава и дерево». Несмотря на романтическую приподнятость, и в этих рассказах ощутимы мотивы зрелого творчества Ш.

В янв. 1937 Ш. снова арестован (5 лет с отбытием на Колыме). Однако эти 5 лет превратились в 15, т. к. в 1943 ему добавили еще 10 лет за антисоветскую пропаганду: назвал эмигранта И. А. Бунина русским классиком.

В 1951 освобожден из лагеря, начинает писать рассказы и стихи. Реабилитирован в июле 1956, возвращается в Москву, работает внештатным корреспондентом ж. «Москва».

В 1957 в ж. «Знамя» напечатаны его стихи, в 1961 выходит первый поэтический сб. «Огниво», затем сб. «Шелест листьев» (1964), «Дорога и судьба» (1967), в 1972 — «Московские облака». Однако проза Ш. к печати в СССР не принималась.

С 1966 рассказы Ш. начинают публиковать на Западе.

В. Т. Шаламов